

УДК 392

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ИЗ «СВОЕГО» В «ЧУЖОЕ» В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ТАТАР

З.М. Арикеева

При описании обрядов жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронные), относимых многими исследователями традиционной культуры к обрядам «перехода», целесообразно исходить из классической трехчастной схемы: выделение из коллектива – перемещение в неосвоенное пространство – возвращение в коллектив. Здесь можно наблюдать взаимопроникновение двух миров, путешествие представителей одного мира в мир других, появление «чужих» среди «своих» и «своих» среди «чужих».

В контексте свадебной обрядности данная схема ярко представлена картиной приезда жениха в дом невесты, где свадебный поезд жениха выступает тем «чужим», вражеским, которое появляется на территории «своего» и с которым необходимо вступить в борьбу. Традиция устраивать жениху и его «свите» всяческие испытания, препятствия на пути представителями стороны невесты, равно как и нападение, захват, взлом, совершаемый жениховой стороной, демонстрирует их недружеское отношение друг к другу, что является следствием принадлежности их двум противоположным мирам – сакральному и профанному, «своему» и «чужому». Вместе с тем появление невесты в доме жениха также сопряжено с опасностью для его обитателей. Невеста – представитель того, «чужого» рода, человек, прибывающий из незнакомой, а поэтому опасной территории, встреча с которым может отрицательно сказаться на представителях этого, «своего» мира. В целях устранения опасности

прибегают к разным защитным средствам, одним из которых выступает так называемое «очищение» огнем. У сибирских татар свадебная повозка с невестой проезжает через огонь, разведенный перед воротами дома жениха [3: 60]. Одной из трансформированных форм данного способа защиты можно считать обычай похлопывать невесту с двух сторон подоженными вениками в момент ее прохождения через ворота: «*Бичәне утлы япрак белән чабаты ике кеше капканың ике ягынан*» («*Невесту горящим веником похлопывают два человека с двух сторон ворот*») [2]. В то же самое время данные действия выступают средством приобщения невесты к роду жениха – происходит своеобразное «превращение», «преобразование» чужого в своего, по отношению к нему «применяется тактика адаптации» [1: 193].

В рамках родильной обрядности рождение ребенка также воспринимается как появление чужого, неизвестного существа. Однако на уровне обрядовых действий участники скорее способствуют этому действию, нежели противодействуют и сопротивляются ему, как мы могли наблюдать в случае встречи жениха в доме невесты. Так, для получения дитя из чужого пространства совершались действия, направленные на открытие пути для новорожденного – *кендек әби* (повивальная бабка) развязывала все узлы на платье, растягивала пуговицы, расплетала косы роженице. Кроме того, в случае трудных родов *кендек әби* или мать роженицы, присутствовавшая при этом, надры-

вала подол своего платья: «*Әни кереп килә ишектән, күлмәк итәген жырты-жырты, аналык ачылсын дин*» («Мама входит, надрывая подол платья, чтобы матка раскрылась») [3]. Полученное извне (из сферы чужого) дитя также подвергается определенным действиям по переделыванию, «превращению» в человека. Данное преобразование начинается уже с первых действий по отделению ребенка от матери и шире — от сферы природного, нечеловеческого. Один из первых шагов в процессе расподобления нечеловеческого и человеческого связан с выходом (из чужого мира), пребыванием в мире людей и отправлением (в свой мир, мир предков) плаценты (*соңгылык*) новорожденного. Выход плаценты, в определенной степени, может быть приравнен к самим родам. Для его успешного извлечения *кендек әби* растирала, разглаживала живот роженицы, сама женщина надувала бутылку и т.д. Пребывание последа (чужой материи, иноматерии) в человеческой среде требует выполнения определенных условий. Послед следует тщательно помыть, его нельзя выбрасывать. Возвращение последа на свою территорию также совершается в строго установленном порядке. Известны различные вариации отправления детского места «назад» среди татар — захоронение на кладбище, в подполе, между двух столбов, на чердаке дома, но во всех случаях сохраняются его локализация и глубинный смысл. Погребению последа всегда предшествуют действия по его омовению (в некоторых случаях до 41 раза: «*соңгыны 41 мәртәбә юасы*» — «послед надо помыть 41 раз») [1], заворачиванию в тряпку или помещению в лапоть, что соотносимо в первом случае с облачением в саван, в другом — с помещением покойника в гроб. В обычае погребения последа на кладбище просматриваются следы культа почитания умерших предков. Послед, как некогда живая часть тела, выполнив свои функции, погружается в царство мертвых, подобно телу умершего. Следовательно, о вступлении в общину

нового члена узнают и далекие предки. Этот ритуал служит отражением идеи о том, что все полученное от природы должно возвращаться обратно в лоно природы. Не случайно также и использование подпола в качестве места для погребения *соңгылык*. Данная традиция восходит к некогда существовавшему у многих народов обычаю погребать умершего, наиболее уважаемого члена рода, предка, под порогом или в почетном месте дома — под нарами [2: 168; 4: 95]. Что касается помещения последа на чердаке, то оно необходимо для благополучного выхода последа роженицы при следующих родах: «*Соңгыны ызба башына күмәсе, икенче бала тапкан вакытта соңгы чыксын өчен*» («Послед надо на чердаке похоронить, чтобы при следующих родах послед вышел») [4]. Таким образом, захоронение последа напрямую связано с новым рождением, также это становится способом сохранения отношения непрерывного обмена между предками и потомками, нелюдьми и людьми, жизнью и смертью.

В похоронной обрядности оппозиция «свой-чужой» отражена еще ярче и полнее. Проникновение смерти в мир живых, на территорию «своего» представляется явлением неизбежным, неотвратимым, которое предполагает естественный переход человека из одного мира в другой. Представление смерти как пространственное перемещение содержится и в терминах, обозначающих кончину, похороны умершего — *жаны чыкты* (душа вышла), *бакый доньяга кучте* (перешел в вечную обитель), *алып барып куйдык* (отнесли), *соңгы юлга озаттык* (проводили в последний путь).

Трехчастная схема, обозначенная как выделение из коллектива — перемещение в неосвоенное (чужое) пространство — возвращение в коллектив, соблюдается в обряде проводов покойника, где основными лицами, следующими данной схеме, выступают участники похоронной процессии. В данном случае основной категорией становится путь, перемещение из «своего» в «чужое», сопровождаемое действиями-

ми по очищению пространства жизни от смерти и восстановлению границы между своим и погусторонним миром и, как конечный результат, возвращение в «свое». Дорога в мир мертвых не должна совпадать с путями живых. Именно поэтому в ходе обряда выполняются особые условия и предписания, в основе которых лежит идея «обратности», «инакости», полностью исключаящая возможность пересечения этих путей. Из дома умершего выносят ногами вперед (сравните рождение ребенка вперед головой). Интересно, что на кладбище покойника несут уже вперед головой, «чтобы не запомнил обратной дороги», тем самым выпроваживая смерть из своей территории. Ярким примером изгнания смерти («чужого») из мира живых служит обычай астраханских та-

тар, по которому кто-нибудь вслед покойнику топором рубит землю во дворе [5]. Однако основная граница между «своим» и «чужим» пролегает не здесь, а на территории кладбища. Возвращение с кладбища на территорию «своего» ознаменовывается выполнением очистительных процедур (омовение, смена одежды), что является необходимым условием окончательного разрыва с миром «чужих».

Таким образом, на примере отдельных моментов семейно-бытовых обрядов татар мы рассмотрели схему ритуальных перемещений из «своего» в «чужое» пространство, мотивы преобразования, переделывания «чужих» в «своих», что представляет собой одну из ведущих сюжетных линий обрядов жизненного цикла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 241 с.
2. *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности / Е.Г.Кагаров // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 8. – М., 1929. – С. 152–195.
3. *Насибуллина С.Х.* Лексика свадебных обрядов тоболо-иртышского диалекта сибирских татар / С.Х. Насибуллина // Материалы научно-практической конференции «Сулеймановские чтения-99». – Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2000. – С. 56–60.
4. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. / С.А. Токарев. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 164 с.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. *Ахметзянова Р.Х.* (1912 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 23.05.2006 г. в с. Уляя Высокогорского р-на РТ.
2. *Бабчанова Т.Т.* (1924 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 17.06.2008 г. в д. Аслана Ялуторовского р-на Тюменской обл. РФ.
3. *Гатауллина О.Х.* (1927 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 20.05.2006 г. в с. В. Кибя-Кози Тюлячинского р-на РТ.
4. *Сабитова Р.А.* (1930 г.р.). Зап. Арикеевой 05.10.2007 г. в д. Нов. Зимница Старо-Кулаткинского р-на Ульяновской обл. РФ.
5. *Сиражетдинов Ш.К.* (1946 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 19.08.2003 г. в с. Нов. Булгары Икрянинского р-на Астраханской обл. РФ.

Summary

The keynote of the article is ritual transference from «own» to «foreign» in ceremonies of Tatar's life cycle.